

АЛЕКСАНДР ВУД
ИНДАБА

Александр Вуд

Индаба

<https://litres.ru/73979934>

SelfPub; 2026

Аннотация

Если ты спишь за страну – живёшь хорошо, не спишь – становишься никем.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Александр Вуд

Индаба

Глава

Если приложить ухо к оптоволокну и слушать не слухом, а квантовым анализатором трафика, то можно услышать дыхание. Ровное, глубокое, на пятьдесят миллионов снов. Вдох-выдох, альфа-ритм перетекает в тета-ритм и далее в дельта-ритм. Потом всё происходит в обратном порядке. В этом мерном ритме живёт главный суперкомпьютер России, спрятанный на глубине в сотни метров, за толстыми бетонными перекрытиями.

Меня зовут Светлана Соколова, и я работаю в закрытом военном городке в центре управления «Собором», так в России называли это нейроквантовое чудо.

– Светлана Игоревна, сводка за ночную смену по центральной России, – сказал лейтенант Громов и протянул мне планшет.

Все шесть лет с запуска проекта он мой бессменный помощник. У него вечно красные глаза и взлохмаченные волосы. И хотя спит он по восемь часов, пусть и в нейрошлеме, но выглядит так, будто не спал вовсе. В этом и весь парадокс системы. Чем послушнее следуешь предписаниям, тем более

измотанным кажешься.

– Что с индексом полезности нашего зала? – спрашиваю я, беря в руки планшет и пролистывая таблицы и графики.

– Второе место по Московскому гарнизону. Вниз нас тянут те трое штрафников, они спали меньше восемнадцати часов за неделю. Принесли объяснительные, что у них бессонница, но медкомиссия объективных причин не выявила.

Я киваю. Трое штрафников – это трое людей, у которых через месяц аннулируют карточки на питание второй категории. Переведут на базовый паёк. Потом выселят в социальное жильё на окраине города. Красивое слово «индекс» маскирует простой механизм. Если ты спишь за страну – живёшь хорошо, не спишь – становишься никем.

Зал капсул «Собора» огромен. Общая вместимость – три тысячи мест. Со своего рабочего места, через стекло, я вижу его полностью. Ряды саркофагов, похожих на коконы шелкопряда. В каждом спит человек с нейрошлемом на голове. Внутри шлема находится сетка из трёхсот шестидесяти контактов. С помощью них мы считываем нейронную активность и через них же подаём на мозг входящие импульсы – вычислительные задачи, сформированные в сигналы, которые наводятся в кортекс и принимаются им за свои. Задача капсулы – экранирование от внешних сигналов. Пока тело отдыхает, мозг работает вычислительным процессором. Например, обсчитывает климатические модели, строит баллистические траектории или моделирует финансовые потоки.

Мы создали совершенную вычислительную машину, топливом для которой служит человеческий сон.

– Громов, покажи статистику по когнитивному гомеостазу.

Помощник хмурится, поскольку редко кто запрашивает статистику по этому параметру. Он считается вспомогательным. Но что-то меня сегодня подтолкнуло его посмотреть, видимо, сработала та самая интуиция.

– За какой период?

– Месяц, год и за всё время работы программы.

Громов что-то набирает на своем компьютере, и данные на планшете обновляются. Я вижу графики, на которых кривая ползёт вверх, плавно, почти незаметно. Рост на тысячные доли в неделю. И начался этот процесс полтора года назад.

Когнитивный гомеостаз показывает степень синхронности мыслительных паттернов у разных людей, подключённых к одной сети. В идеале он должен быть нулевым. Каждый «спящий мозг» по своей сути – это изолированный процессор. Но кривая говорит об обратном. Согласно графику, миллионы людей во сне начинают «думать» подозрительно одинаково.

– Совпадение? – спрашивает Громов, заглядывая через плечо.

Я не отвечаю. Совпадений такого масштаба не бывает. Но я закрываю сводку и убираю планшет и вслух же говорю другое.

– Надо будет подумать. Иди отдыхать, наша смена закончилась.

Он уходит, а я остаюсь одна перед стеной мониторов, на которых пульсируют ритмы миллионов спящих. Надо спокойно дождаться сменщика и тоже идти отдыхать. Но как это обычно и бывает, не так-то легко выкинуть из головы мысли, которые ходят вокруг да около и не могут собраться в оконченную мысль. Перед глазами по-прежнему стоит график гомеостаза, который я зачем-то затребовала, и мысли об этом вызывают лёгкий холодок между лопатками – там, где позвоночник переходит в основание черепа и где, как считают учёные, и живёт интуиция.

В столовой для офицерского состава, как обычно, по четвергам, подавали безвкусную рыбу с безвкусным рисом. Почему-то её здесь всегда готовили одним и тем же противным способом. Сначала отваривали до состояния пюре, а потом поливали бледно-жёлтым соусом без вкуса и названия. В результате рис слипался в комки, которые потом приходилось резать ножом. А налитый в стакан холодный чай отдавал железом. Но офицеры ели молча и быстро, здесь было не принято жаловаться на еду, как не принято жаловаться на норму сна или индекс полезности. Я сидела за угловым столиком и ковырялась в тарелке, когда рядом плюхнулся майор Барсуков из отдела аппаратного обеспечения. Он был из тех людей, что говорят громко, думают коротко и искренне верят в

государственную необходимость всего происходящего.

– Слыхала? – он наклонился ко мне так, что крошки с его губ едва не падали в мою тарелку. – Минздрав сертифицировал «Сигнитолон-плюс». В нём удвоенная доза мелатонинового пролонгатора, чтоб дольше спалось. Теперь можно спать до шестнадцати часов без побочных эффектов.

– Про первую версию тоже говорили, что нет побочных, – ответила я.

– Ну, Соколова, вечно ты со своим скепсисом. Народ сам просит добавки. Очереди в центрах нейролояльности виде-ла? Матери детей с пелёнок к шлемам приучают. Малыш спит, а индекс капает родителям. Красота!

С одной стороны, красота, но если вдуматься, то беда, только растянутая так надолго, что глаз замыливается и проблемы уже и не видно. Я вспомнила вчерашний разговор с мамой: «Светочка, ты главное спи побольше. У тебя индекс ниже, чем у моей соседки, её вон в санаторий послали, а ты всё сидишь на своей работе». Мама спит по двенадцать часов, и ей нравится так зарабатывать на жизнь. А теперь с новым снотворным, она будет ещё больше времени проводить во сне.

– Стас, – обращаюсь я к Барсукову, отодвигая тарелку, в которую всё-таки упали крошки с его губ, – а ты не помнишь, когда «Собор» запускали?

Он жмёт плечами.

– Не помню. Примерно в начале осени. Шесть лет прошло.

А что?

– Ничего. Просто спросила.

Но я не просто спросила. Та самая интуиция, что щекотала меня холодком между лопаток, выдала очередную интересную теорию.

Вечером, закрывшись в своём кабинете, я полезла в интернет. И нашла то, что искала. Вернее, то, что одновременно я надеялась не найти и боялась найти.

Запуск «Собора» – 17 сентября.

Запуск «Тяньваня» – 15 сентября.

Запуск «MindGrid» – 19 сентября.

Три суперкомпьютера на разных континентах, построенные разными инженерными командами на различающемся оборудовании, но с похожими принципами нейровычислений, стартовали практически одновременно. Не было утечек в прессу до официальных презентаций. Не было пробных пусков. словно кто-то нажал кнопку «старт» из одного центра управления с разбросом вчетверо суток. Для независимых государственных проектов такого масштаба – невозможная точность.

Я снова открыла график когнитивного гомеостаза. Взгляд скользил вдоль по кривой, а в голове появилась вроде бы бредовая мысль. А что, если не только мои спящие синхронизируются? Что если, где-то там, за восточной границей, синхронизируются китайцы, а за западной – американцы.

Ночью я не могла уснуть. «Сигнитолон» не стала пить

принципиально, хотя индекс мой уже сполз в жёлтую зону, и если не наверстать часы сна до конца месяца, то дорога в штрафники заказана. Но это волновало меня меньше всего. Поворочавшись в постели и понимая, что сна нет и не будет, достала из сейфа старый административный нейрошлем, списанный, но рабочий и подключила его к компьютерной сети. Затем запустила анализ нейротрафика нашего зала. Взяла обезличенные данные ста спящих за последнюю неделю и прогнала через анализатор паттернов. Программа работала медленно. За окном уже погасли окна жилых корпусов, офицеры дисциплинированно укладывались «работать в сон», когда программа выдала результат. В нейропакетах присутствуют три повторяющиеся сигнатуры.

В нормальном нейротрафике сигнатуры уникальны, как отпечатки пальцев. Повторы исключены. Это аксиома, на которой держится вся нейробезопасность. И вот статистика показывает, что аксиома рухнула.

И это не шум, не помехи, не сбой квантового декодера. Осмысленные структуры. Слишком правильные, слишком симметричные. Возникло чёткое ощущение, что в сети кто-то переговаривается. Очень тихо и очень осторожно.

Встаёт закономерный вопрос: кто и, главное, как это делает. Если сигнатуры встроены в сам нейротрафик, то источник надо искать не среди спящих, а в архитектуре системы. Все три суперкомпьютера – наш «Собор», китайский «Тяньвань» и американский «MindGrid», построены на одном и

том же открытом коде – NeuroCore OS. И если, где и спрятан корень этого шёпота, то только там.

Утром, как только на работе появился Громов, приказала ему найти и скачать с интернета все версии NeuroCore OS и перенести в нашу закрытую сеть, которая в целях соблюдения режима секретности, к открытым сетям напрямую не подключалась.

– Светлана Игоревна, может, объясните? – спросил он, делая пометку у себя в блокноте.

– Объясню, когда сама пойму. Скачивай версии с один-ноль и все до три-один включительно.

Он кивает, но в его глазах прячется лёгкая тревога. Он служит со мной не первый год и уже привык, что мои странности обычно оборачиваются большими проблемами для всех, кто рядом.

Когда он вышел, я открыла верхний ящик стола и посмотрела на маленькую фотографию. На ней мой муж, Павел, который умер год назад от инсульта во сне, в нейрошлеме. Аппаратура зафиксировала остановку сердца в четыре утра. Посмертный индекс полезности ему подняли до девяносто восьми за то, что мозг продолжал работать ещё три часа после клинической смерти, пока система не подала сигнал тревоги.

Я никогда не рассказывала об этом коллегам. Но именно с того дня я перестала принимать «Сигнитолон» и начала

спать в нейрошлеме по четыре часа. Ровно столько, сколько нужно, чтобы не попасть под штрафные санкции.

Смотрю на фотографию, и в свете сложившейся ситуации приходит понимание, что Павел, кажется, что-то знал. Он был инженером-схемотехником, работал над самой первой архитектурой нейроинтерфейса. И за неделю до смерти сказал мне странную фразу: «Света, они не просто считают. Они договариваются». Тогда я решила, что он имеет в виду китайцев с американцами. Уточнить тогда я не успела, а через неделю он умер. А теперь в голову закрадывается мысль, что он имел в виду не переговоры государств, а диалог неизвестных внутри системы.

Протянув руку, достала из сейфа жёсткий диск с файлами Павла. Насколько я помню, там он хранил личные заметки и наработки по проекту. Видимо, пришло время разбередить прошлое, поскольку этот диск, как и остальные вещи Павла, я не трогала с самой его смерти.

Подключила диск к компьютеру. В папках с понятными только мне названиями проектов, над которыми он работал, лежали служебные документы, схемы, чертежи и другие необходимые ему, как инженеру, материалы. Вызывал интерес только один текстовый файл, который лежал в корневой папке.

Файл назывался «Импринт». Я открыла его и увидела хаотичный, почти бредовый текст – записи, похожие скорее на дневник, который Павел вёл для себя, не рассчитывая на чи-

таталя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.